«Как правило, адвокаты проигрывают такие дела...»

07.05.2024 ИНТЕРВЬЮ

Банкротным спором года [1] экспертами исследования The CASE by Legal Insight было признано дело об оспаривании договора на оказание юридических услуг в рамках банкротства Д. Мазурова [2]. По мнению эксперта исследования, партнера юридической фирмы «Бубликов и партнеры» В. Бубликова, позиция ВС РФ в этом деле защищает право граждан на юридическую помощь, что крайне важно для юридического сообщества. Данный кейс затрагивает большое количество проблем, которые Владимир Бубликов обсудил с Мергеном Дораевым, партнером

АБ «ЕМПП», представлявшим бюро в этом споре.

> *Мерген Дораев — адвокат, канд. юрид. наук, LL.M, партнер АБ «ЕМПП».*
>
> *До присоединения к ЕМПП являлся партнером юридической фирмы «Егоров, Кряжевских и партнеры», был руководителем направления в ОАО «Атомредметзолото» / ОАО «Техснабэкспорт» и руководителем блока корпоративного права / юрисконсультом Сырьевого дивизиона Группы «Северсталь».*
>
> *Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова в 2004 г., там же защитил диссертацию на соискание звания кандидата юридических наук в 2012 г., получил степень LL.M. в Школе права Университета Пенсильвании и степень Wharton BLC в Уортонской школе бизнеса в 2015 г.*
>
> *Автор монографий «Допуск иностранных инвесторов в стратегические отрасли экономики (правовые основы)» (2012) и «Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России» (2016), а также книги «Путь литигатора: чему самурайский кодекс может научить судебного юриста» (2022).*

– Расскажите, пожалуйста, о чем ваш кейс.

Наш доверитель попал в банкротство. Управляющий, который занимается процедурой его банкротства, пришел к выводу, что все ранее оказанные юридические услуги являются способом вывести средства доверителя, и пытается вернуть их обратно. К сожалению, это нередкая ситуация.

Когда банкротят физических лиц, практически любые платежи юристам, совершенные в период, предшествовавший банкротству, рассматриваются как недобросовестный способ выведения средств. Получив в 2021 г. исковое заявление об оспаривании сделок, мы даже сначала подумали, что это шутка. Наши доверители иногда попадают в ситуацию банкротства, но раньше все всегда начиналось с того, что у нас запрашивали информацию о том, какие услуги мы оказывали, что это была за работа. Предоставлением соответствующих

данных в 90% случаев все и заканчивалось. В этот же раз все началось сразу с заявления в суд, и мы были вынуждены включиться в спор без всякой подготовки.

– То есть у управляющего не было никаких предварительных попыток выяснить перечень и состав оказанных вами услуг?

Управляющий начал спор с нами сразу с указания на факт выведения средств со счетов. Он анализировал выписки, ему нужно было найти юридических лиц, которые являлись получателями средств, и все эти лица получили разные заявления об их возврате в зависимости от суммы. Какую-то сумму они сочли достаточной для того, чтобы начать спор с нами. Порог зависит от предшествовавшего финансового состояния доверителя. В нашей ситуации все осложнялось тем, что доверитель — физическое лицо. Он был недоступен, поскольку в отношении него применялись меры пресечения и велось уголовное дело. У нас не было возможности получить его согласие на раскрытие информации, потому что это адвокатская тайна и мы не вправе раскрывать данные о предоставленной помощи. Для начала мы стали выяснять, как можно выйти на связь с доверителем и узнать, что мы можем раскрывать в этих делах, а что нет.

Юристы всегда предполагают самое плохое, и мы предположили, что этот иск — способ получить доступ к адвокатскому производству для того, чтобы использовать полученные обстоятельства в рамках уголовного дела против нашего доверителя, что вполне резонно. Если против банкрота ведется уголовное дело (что тоже достаточно распространено), получить в рамках уголовного производства доступ к адвокатскому досье не может никто, в рамках же банкротного дела это не составляет трудностей. Стоит лишь предъявить такое требование нам, какому-либо адвокатскому образованию, любому юристу вообще, и вы получаете материалы. Банкротное оспаривание адвокатских соглашений всегда дает возможность выбора. Это выбор этический. Либо мы платим деньги, либо раскрываем адвокатскую тайну. Мы обратились к многочисленным разъяснениям адвокатских палат в этой части, и их общим смыслом было то, что каждый сам себе судья. Вы сами определяете

объем данных, который вам надо раскрыть, чтобы защититься в рамках спора. Ситуация очень сложная. Мы действительно работали с адвокатами, которые защищали доверителя в этом деле, чтобы понять возможный для раскрытия объем информации.

– В результате получили ли вы санкцию на раскрытие, чтобы защититься?

Да, у нас было тесное взаимодействие с командой доверителя, защищавшей его по уголовному делу. Именно через его адвоката нам была передана санкция на раскрытие. В этой части мы честны перед всеми. И защищали мы себя сами. Проанализировали аналогичную судебную практику и ужаснулись. Такие дела адвокаты, как правило, проигрывают. Суды всегда относятся к делу очень формально, а жалобы потом доходят вплоть до Конституционного Суда. И всегда используется презумпция, которая работает против адвокатов и против юристов вообще. К сожалению, нам довелось столкнуться с этим на практике.

– В 2018 г. был заключен договор на предоставление услуг, в том числе в иностранных юрисдикциях. К этому моменту ваш доверитель уже имел меру пресечения?

Нет, все было хорошо. Мы работали с нашим доверителем. Никаких сигналов о том, что пора сворачивать деятельность, не было. У нас достаточно длительная история отношений с этим доверителем, его бизнесом. Мы считали, что выполняем свою работу. Между нами заключен договор, по закону просто так отказаться от его исполнения мы не можем, если только нас не уволят.

– Что касается сопровождения интересов клиента, то послужили ли причиной изменения подхода к вашей работе мера пресечения и иные сложности, которые возникли уже после заключения договора?

Спор, на сопровождение которого нас нанимали, мы выиграли. Дело было прекращено, все были счастливы. Мы получили свой гонорар и благополучно расстались. А затем

встретились уже спустя несколько лет. Ко времени получения заявления об оспаривании сделки с момента завершения проекта прошло уже два года. Мы начали собирать доказательства. Поскольку кейс был закрыт два года назад, пришлось поднимать электронные архивы, связываться с контрагентами за рубежом. Кипрские адвокаты, которые работали с нами по этому делу, вообще ужасались по поводу того, как мы вообще в России работаем, если к любому юристу могут прийти с таким требованием. Мы были вынуждены пояснять, что такое требование — отнюдь не редкость.

– К этому моменту уже имелось несколько аналогичных дел. Консультировались ли вы с командами, уже побывавшими в подобной ситуации? Была ли поддержка со стороны сообщества?

Да, в это время шли аналогичные споры. Нам звонили коллеги и спрашивали, как мы защищаемся. Люди, проигравшие аналогичные кейсы, звонили со словами поддержки. Поскольку одним из этапов защиты по такому делу является доказывание разумности и рыночности расходов на юристов, мы связывались с юридическими фирмами нашего уровня, получали от них информацию о том, сколько стоят их услуги, чтобы подсчитать примерную почасовую ставку, понимая, что ключевым аргументом управляющего в этом деле будет то, что все расходы неразумны.

– Ваш кейс был уникален тем, что это комплексное сопровождение спора в иной юрисдикции. Если я правильно понимаю, одним из элементов атаки со стороны управляющего было то, что адвокаты получили сумму по договору, отдали три копейки иностранцам, а всем остальным распорядились по своему усмотрению. Так ли это?

Управляющий не пытался глубоко вникать в наше дело. С нас взыскали даже сумму, которую мы уплатили в бюджет. Мы действовали как налоговый агент и удерживали НДС, со всех зарубежных сумм платили средства в бюджет. Эти налоговые отчисления нас тоже

попросили вернуть в конкурсную массу, что и было сделано судами. К тому же было очень много расходов, связанных с переводами, нотариальными услугами. Эти деньги тоже попросили вернуть в конкурсную массу. На определенном этапе управляющий был согласен с тем, что 40% надо вернуть в любом случае. Поскольку суды уже были настроены против нас, позиция управляющего никого не волновала, у судов абсолютно формальный подход, и все их решения не в пользу адвокатов. Нам повезло с судьей первой инстанции: она очень хорошо изучила все материалы. Мы этого даже не ожидали. То есть она проделала работу за управляющего, прошлась по составу услуг и поняла, какой результат получен и как он соотносится с затратами, понесенными доверителем.

– Пытались ли вы договориться с управляющим, убедить его в том, что его действия не соответствуют профессиональной этике?

Управляющий не шел на контакт с нами, никакого диалога и сближения с ним у нас не получилось. Более того, мы пытались заручиться поддержкой официального адвокатского сообщества, полагая невозможным, чтобы все адвокаты проигрывали. Мы обращались к заместителю председателя Федеральной палаты адвокатов.

Да, мы получали поддержку со стороны адвокатов, столкнувшихся с такой же ситуацией, и коллег из юридических фирм. Нас подбадривали: «Ребята, держитесь, вы бьетесь за всех!» А против нас работала команда адвокатов управляющего, задачей которых было вернуть деньги в конкурсную массу. Они оспаривали наши сделки, выступали против нас в суде. Сложилась интересная ситуация: одна команда нас поддерживала, другая — выступала против, вплоть до Верховного Суда РФ. Кто-то работал за правду, кто-то — за деньги.

Адвокатская палата Московской области провела по этой проблеме круглый стол, но этого недостаточно, роль адвокатского сообщества должна быть более активной. Наверное, нужны изменения в законодательстве об адвокатуре, которые позволили бы адвокатам в таких делах выступать стороной процесса. Оценка деятельности адвоката в плане

добросовестности — вопрос прежде всего этический. Помимо Следственного комитета за соблюдение адвокатами этических норм отвечает адвокатская палата, мы же платим адвокатские отчисления. В этой ситуации Палата адвокатов нашего региона должна была войти в дело и хотя бы представить свою позицию, дать оценку. Невозможность получить поддержку от профессионального адвокатского сообщества — проблема, которую обозначил наш кейс.

– Ваш кейс — это попытка идти против течения, несмотря на всю отрицательную практику в области банкротства, которая несколько лет формировалась в рамках оспаривания гонораров адвокатов в банкротстве. Насколько этот кейс может быть использован юристами, которые не являются адвокатами?

Он должен работать именно так, потому что Конституция не разделяет этой юридической помощи, оказанной адвокатами или неадвокатами. До нас было одно дело, где адвокаты смогли защититься, но в нем имела место отсылка на адвокатский статус при уголовной правовой защите. В нашем деле Верховный Суд ссылался на Конституцию и имел ввиду в целом юридическую помощи, ведь, чтобы представлять интересы в судах, достаточно юридического образования. Любой представитель профессии, оказывающий такую помощь, должен иметь подобную защиту.

– Защищаться, не имея адвокатского статуса, было бы сложнее?

Может, сложнее, а может, и проще. Существенную часть защиты мы строили на нормах законодательства об адвокатуре. Оно у нас в стране настолько непонятное для тех, кто не является членом корпорации, что суды в нем, как правило, не разбираются. Написано так сложно, будто специально для того, чтобы ничего нельзя было понять.

Спор продолжался более двух лет. Нам приходилось разъяснять, кто является стороной, кто оказывал помощь, как они соотносятся с теми лицами, кто представлен в отчетах. Мы предоставляли почасовые отчеты. Суды не пошли нам навстречу по приостановлению

исполнения, но по счастливой случайности нам был произведен возврат полученных сумм. Несмотря на отсутствие приостановления исполнения решения суда, к моменту, когда в Верховном Суде мы смогли развернуть дело в свою пользу, еще оставались активы, за счет которых можно было получить обратно те деньги, которые списали с адвокатского образования в пользу конкурсной массы. Если бы это было банкротство обычного гражданина с его активами, к моменту, когда дело дошло до Верховного Суда, у него просто не осталось бы имущества и нечего было бы вернуть, он бы просто остался без средств.

– Действительно, везение, ведь на рынке распространена схема, по которой конкурсные управляющие оспаривают некие сделки. Когда решение об оспаривании вступает в законную силу, они списывают по исполнительному листу денежные средства должника в конкурсную массу и, не дожидаясь кассации, особенно если в приостановлении исполнения отказано, осуществляют распределение между кредиторами либо погашение частично или полностью текущих требований в зависимости от суммы и ситуации в банкротстве. К тому моменту, когда суд постановляет, что сделка не должна была быть оспорена, в конкурсной массе уже отсутствуют денежные средства и нет активов, за счет реализации которых их можно было бы вернуть. Формально конкурсный управляющий вправе распоряжаться денежными средствами по своему разумению, но при должной осмотрительности, прогнозируя риски, он мог бы и не распределять их до кассации или до Верховного Суда, поскольку высшие суды могут сказать иное. Схема заключается в том, что конкурсные управляющие сознательно идут на это и зарабатывают. Что сейчас нужно сделать, чтобы такое больше не повторилось?

Рынок, конечно, уже выработал ряд базовых правил. К их числу относится тщательная подготовка отчетных документов. Есть тонкая грань между добросовестными и недобросовестными действиями. Невозможно всем юристам выписать индульгенцию. Всегда придется оценивать их добросовестность.

До нашего дела на практике все юридические услуги уходили в серую зону. Самым безопасным способом получить юридическую помощь было нигде не проводить ее официально. Тогда юрист соглашался работать по делу, не было рисков оспаривания этих сделок, потому что не оставалось следов. Но это неправильно. Получается, что граждане не могут официально получить помощь, предусмотренную Конституцией и целый сектор экономики выводится в серую зону. Это очень большая проблема. Желание добиться справедливости основывается на том, что юристы не должны превращаться в подобие бутлегеров в период сухого закона, прятаться и оказывать юридические услуги «из-под полы». А вся практика сводилась именно к этому.

Адвокатские образования неплохо защищены нормами адвокатской тайны, чего не скажешь об обычных юридических компаниях. И зачастую этическая проблема для тех, кто не является адвокатами, заключается в том, что, пусть даже мы готовы официально работать с доверителем, находящимся в зоне риска, заключить с ним договор и получить деньги, потому что считаем, что дело правое и не хотим идти против правил, все равно возникает неконтролируемый шквал непросчитываемых рисков. А если нашими платежами заинтересуются где-то в правоохранительных органах, или вдруг через нас как через неадвокатское образование решат проделать какую-то комбинацию и добиться чего-то в уголовном деле? У тех, кто не является адвокатами, тоже есть кодекс этики, они так же охраняют информацию, полученную от клиента, как и адвокаты, но им не на что сослаться, когда к ним приходят, и это проблема.

– Кейс оказался многозначным. Он не просто об оспаривании и не только о гонорарах юристов. Какие вопросы не были решены, и как их надо решать?

Один из вопросов, так и не получивших решения в нашем деле, — это возможность закрытия процесса в связи с адвокатской тайной. Данный вопрос касается помощи доверителю, сам факт оказания которой является конфиденциальными. Получается, что в такой ситуации все получают информацию о том, что за помощь оказана, какое было дело,

чего это касалось, какие обстоятельства анализировались. Мы изучили множество банкротных дел, но не нашли успешной практики по закрытию процесса на этом основании. И наш попытка тоже была неудачной – нам отказали. На самом же деле такие дела должны рассматриваться в закрытом режиме.

---

[1] См. подробнее: Бубликов В. Банкротные споры 2023 года // Legal Insight. — 2024. — № 3. — https://legalinsight.ru/articles/bankrotnye-spory-2023-goda/

[2] Определение СКЭС ВС РФ от 03.04.2023 № 305-ЭС20-19905 (13, 14) по делу № А40-216654/2019.

Владимир Бубликов — управляющий партнёр юридической компании «Бубликов и партнёры»

Мерген Дораев — партнер Адвокатского бюро «ЕМПП»

ИНТЕРВЬЮ